

# ДВАДЦАТИЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ 1905 ГОДА.

ТРЕБУЙТЕ ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ СИБКРАЙИЗДАТА

Новоиколаевск, Омск, Иркутск, Барнаул, Красноярск, Томск, Семипалатинск, Бийск, Ачинск, Кузнецк, Щегловск, Яваск, Усть-Каменогорск, Мариинск, Тара, Татарск, Канск, Тайга.

## 1905 год в СИБИРИ.

Рекомендовано Краевым Методическим Советом при Сиббюро.  
Стр. 48 ил. 20 коп.

## Сибирские Огни

№ 4-5.

Анатольев. — Девятое января. Хроника для агитаторов. Изд. «Протарий». Ц. 90 к.  
Волыштейн-Ротанская. — На баррикадах первой революции. Гиз. 27 г. Ц. 12 к.  
Заславский. — Зубатов и Манильбушевич. «Кр. Новь». 1923 г. 15 к.

Игнат. — Моряки в революции 1905 г. «Л. Гвардия». 1926 г. Ц. 1 р. 50 к.  
Кретов. — Крестьянство в революции 1905 г. «М. Рабочий». Ц. 95 к.  
Воробьев. — Кровавое воскресенье. Изд. Ц. 8.

Серия диапозитивов,  
посвященных  
20-летию революции  
1905 года.

Сборник материалов к празднованию 20-й годовщины революции 1905 г. в сельских просветительных учреждениях.

Ред. Г. П. Вейсберга, И. С. Воробьева и Г. М. Пушкарёва.

Статьи: А. Мельникова — Красноярская республика 1905 г. Александровского — Октябрьские дни пятого года в Томске. П. Орлова — 1905 г. в Омске. В. Вегмана — 1905 г. в Новоиколаевске. Шамалова — Барнаул в 1905-06 гг. Гольдберга — То, что вспомнилось.

9 января в клубе. Материал для иллюстрации «Долой неграмотность». Ц. 85 к.

Мазуренко. — Крестьяне в 1905 г. Гиз. Ц. 8 к.

Цветкова. — На баррикадах «Моск. Рабочий». Ц. 25 к.

Шестаков. — Всеобщая стачка в октябре 1905 г. Гиз. 1926 г. Ц. 35 к.

1. Кровавое воскресенье.
2. Вооруженное восстание в Москве «Моск. Раб.»
3. 9-е января 1905 года
4. Дни царских свобод
5. Восстание на Пресне.

Известия Московского Совета Раб. Депутатов. «Моск. Рабочий». Ц. 60 к.

Пятый год. — Статьи, воспоминания, документы. «Моск. Раб.» Сборник. Ц. 1 р. 50 к.

КОМИССИЯ ПРИ СИБКРАЙИСПОЛКОМЕ  
ПО ОРГАНИЗАЦИИ ПРАЗДНОВАНИЯ 20-ЛЕТИЯ РЕВОЛЮЦИИ 1905 ГОДА  
ИСПАРТОТДЕЛ СИБИРСКОГО КРАЕВОГО КОМИТЕТА РКП (б)  
(СИБИСПАРТ)

W  $\frac{125}{116}$

Siehe Rückseite

## 1905 год в СИБИРИ

СБОРНИК СТАТЕЙ  
И ВОСПОМИНАНИЙ

СИБИРСКИЙ  
КРАЕВОЙ КОМИТЕТ  
РКП (б)

Библиотека  
СИБИРСКИЙ  
КРАЕВОЙ КОМИТЕТ  
РКП (б)

XXVI-2781  
СИБИРСКИЙ  
КРАЕВОЙ КОМИТЕТ  
РКП (б)

СИБКРАЙИЗДАТ  
НОВОИКОЛАЕВСК

неслись два кровавых карателя. К моменту выступления обоих карателей революционное движение в Сибири начало идти на убыль естественным путем. В тот день, когда в Москве пресненское восстание было «усмирено», и в Петербурге был водворен порядок, судьба революции 1905 г. уже была решена. Только по инерции революционное движение еще продолжалось на Сибирской дороге. Сибирский пролетариат был слишком малочислен для того, чтобы продолжать самостоятельно борьбу с царизмом, а социал-демократические организации Сибири не имели еще боевого опыта, необходимого для ведения революционной, гражданской войны.

На исход борьбы также повлияла недостаточная связь Сибири с центром и отсутствие единого—во всероссийском масштабе—оперативного плана движения. Это обстоятельство именно и облегчило царизму по частям задушить революцию 1905 г.

В. Н. Ямин.

## Карательные экспедиции в Сибири в 1906 году.

«Арестованных не иметь».  
(Из приказа по карательному  
отряду полковника Римана).

Цель моей небольшой статьи—восстановить в памяти читателей кровавое «усмирение» сибирских рабочих и солдат в 1906 году царскими генералами, частью по материалам уже опубликованным (но мало известным сибирскому читателю и молодежи) и частью по тем, которые еще не были в легальной печати.

### I. Назначение карателей.

Положение в Сибири с декабря месяца 1905-го года начинает крайне беспокоить петербургские правящие сферы. Их собственная растерянность к тому времени уже прошла, под ногами вновь почувствовалась твердая почва, массовое революционное движение было задушено, пора было приниматься за Сибирь и действующую армию, откуда приходили все более и более неутешительные для самодержавия вести.

Министр внутренних дел Дурново «всеподданнейше» докладывал царю, по полученным от командующих войсками Сибири сведениям, следующее:

«По донесению военных властей из гор. Красноярска... в названном городе господствует анархия, при чем во главе бунтовщиков находится железнодорожный батальон... Местности по линиям Забайкальской и Манчжурской жел. дор. тоже находятся в состоянии мятежа... Управления дорог в руках забастовочных комитетов...»).

Граф Витте, в письме на имя военного министра от 16-го декабря, сообщает:

«Меня Сибирь крайне беспокоит: ведь уже несколько недель оттуда нет сведений и странно, что вместе с тем оттуда приходят поезда...»).

В Сибири происходило то же, что было почти во всей России, но здесь революционное движение несколько затянулось, и в то время, когда в Петербурге начальство воспрянуло духом, в Сибири начальство всех рангов находилось еще в состоянии полной атрофии и, не имея «инструкций», а главное—физической возможности, не могло круто повернуть курса на «усмирение».

Кроме того, в Сибири была армия, которая выходила из повиновения, стихийно рвалась с фронта домой и частично принимала участие в революционном движении. Боязнь за настроение в армии была особенно

\*) «Красный архив», т. 1, 1922 г., стр. 336.

\*\*) «Красный Архив», стр. 331.

сильна. Ведь на смену удрученным в России могла появиться полумиллионная революционная армия. Недаром тов. Баранский в своих воспоминаниях пишет:

«Правильно поставленная систематическая агитация, проведенная по всему шеститысячному маршруту их следования, могла бы сплотить эту глубоко недовольную и раздраженную массу в неопределимую лавину, под которой рухнули бы последние бастионы самодержавия. Достаточно было бы явиться в Москву—в противовес семеновцам из Питера—хотя бы десятку эшелонов демобилизованных из Манчжурии, чтобы вся картина изменилась самым резким образом.  
И мне казалось тогда несомненным, что наша Сибирская организация и партия в целом «проморгали» эту революционную возможность...»\*).

Точного представления о настроении армии руководящие верхи в Петербурге не имели. Они считали ее более революционной, чем она была на самом деле. Витте вспоминает:

«Я не знаю, найдется ли между военными, бывшими в действующей армии, лицо, которое правдиво и точно отметит то революционное настроение, в котором после 17-го октября пребывала действующая армия. Мне известно то настроение, в котором она находилась со стороны. Но на довольно высокой позиции премьер-министра, я вынес то глубокое впечатление, что армия после 17-го октября находилась в весьма революционном настроении, и что многие военачальники скинули и спасовали не менее, нежели некоторые военные и гражданские начальники в России (в том числе, понятно, и сам граф Витте. Прим. А. А.), что армия была нравственно дезорганизована и что шел поразительный дебош во многих частях, возвращающихся в Россию. до тех пор, покуда ему не был положен по моей инициативе предел посредством карательной экспедиции генерала Ренненкампа и Меллера-Закомельского...»\*\*).

Здесь интересно представление о настроении армии, как крайне революционном, чего на самом деле в большинстве частей не было. Не менее ценно и признание «либерального» графа в том, что карательные экспедиции в Сибирь были посланы по его инициативе. Тут не только мемуарное признание бывшего сановника, в своих воспоминаниях упорно старающегося доказать, что он, чуть-ли не в единственном числе из всего сановного мира, был «тверд и решителен» во время «смуты». Доклады и телеграммы Витте (см. «Былое», № 3, 1918 г.) указывают, что он настойчиво осуществлял свою идею о возможности искоренить крамолу только карательными экспедициями.

## II. Подготовка экспедиций.

13 го декабря 1905 г. Николай Романов через Нагасаки (прямого сообщения не было) шлет зашифрованную телеграмму главнокомандующему ген. Линевичу:

«Продолжающаяся смута и сопротивление законным властям служащих на Сибирской магистрали ставят армию и государство в ненормальное положение и задерживают эвакуацию войск.

В устранение столь чрезвычайных обстоятельств повелеваю: безотлагательно возложить на ген.-лейт. Ренненкампа восстановление среди всех служащих на Забайкальской и Сибирской жел. дорогах полного с их стороны подчинения требованиям законных властей.

Для достижения этого применить все меры, которые генерал Ренненкампф найдет необходимым для исполнения поставленной ему обязанности... Всякое вмешательство посторонних и законом не установленного влияния на железнодорожных служащих и телеграфистов должно быть устраняемо быстро и с беспощадной строгостью, всяческими мерами...»\*\*\*).

\* Н. Баранский (Николай Большой) — «В рядах Сибирского соц.-дем. союза». Сибгосиздат. 1925 г.

\*\* Гр. С. Ю. Витте — «Воспоминания», т. II, стр. 129—130.

\*\*\* «Красный Архив», т. 1, 1922 г.

Однако, судьба посланной телеграммы слишком долгое время оставалась неизвестной. Но телеграмма эта дошла. 2-го января Линевич заносит в свой дневник:

«Приезжал генерал Ренненкампф ко мне откланяться; он уезжает в командировку усмирять железнодорожников в Забайкалье и на Сибирской дороге»\*).

А вести из Сибири шли неутешительные. Поезда как будто бы приходили, но сибирское начальство упорно молчало, и это в особенности удивляло Витте и его с ним. Не было никаких сведений и из армии.

Вот почему в совершенном секрете начала организовываться вторая карательная экспедиция, после того, как было подавлено вооруженное восстание в Москве и власти облегченно вздохнули.

«20 сего декабря высочайше повелено командировать командира XII армейского корпуса (Меллер-Закомельского. Прим. А. А.) в Москву и далее на Самаро-Златоустовскую и Сибирскую жел. дороги для восстановления на них законного порядка и подчинения властям и уничтожения сопротивления ж.-д. служащих»\*\*).

Меллер-Закомельский срочно вызывается из Варшавы, при чем ему выдаются «двойные прогонные», формируется отряд, каратель снабжается неограниченными полномочиями.

Об этой экспедиции даже некоторые министры узнают уже после того, как все подготовительные шаги сделаны.

Необходимо отметить, что в ноябре—декабре 1905 г. движение по сибирским жел. дорогам происходило гораздо лучше, чем в период господства «законных» властей. Все усилия комитетов (где они только находились) были направлены к тому, чтобы возможно быстрее и с наибольшими удобствами направлять эшелоны с войсками, следующими из действующей армии. Взятчиничество в деле отправки всякого рода грузов, пышным цветом расцветшее среди «героев» тыла и жел.-дор. управленческих аппаратов, было прекращено самими решительными мерами.

Даже сами «законные власти» чувствовали свое бессилие справиться с отправкой войск и снабжением их продовольствием.

«Для голодного населения, казаков и крестьян по 500 нарядам с августа месяца получено лишь 50 вагонов. Население волнуется: можно ожидать больших беспорядков на почве исключительной голодовки»,—телеграфирует осенью 1905 года губернатор Забайкальской области, Холщевников, министру внутренних дел».

«И в то же время спирта, например, для монополии проходит по 70 вагонов, шляпы и модные товары также, а хлеба нет, как нет»,—с возмущением констатирует на заседании Читинского продовольственного комитета его председатель\*\*\*).

8 декабря 1905 года в Чите продовольственный комитет (учрежденные «законные») даже обратился к смешанному комитету рабочих и служащих Забайкальской жел. дороги «за содействием», заявляя, что он (комитет рабочих и служащих) «пользуется громадным фактическим влиянием». «Забастовщики» сумели пропускать по дороге до 40 поездов в сутки, тогда как «законное» начальство пропускало их не больше 6—8.

Это было не только на Забайкальской жел. дороге. В конце 1905 г. рабочие и служащие жел. дорог и их организации впервые непосредственно втянулись в работу управления и контроля и доказали, что они

\* «Русско-японская война». Из дневников А. Н. Куропаткина и Н. П. Линевича. Стр. 126.

\*\* «Кр. Архив», т. 1, 1922 г.

\*\*\* «Кр. Архив», т. 1, 1922 г.

могут сделать. Но на этих «забастовщиков» же в первую очередь обрушилась карающая десница царских генералов.

Следует совершенно определенно подчеркнуть, что к тому времени, когда оба генерал-гастролера начали свою карательную деятельность по «усмирению», усмирять, собственно говоря, было уже нечего.

В декабре месяце революционное движение в Сибири быстрыми шагами пошло на убыль.

Либеральная буржуазия, в первое время также «делавшая революцию», была вполне удовлетворена добытыми «свободами» и повела бешеную кампанию в газетах и на собраниях против тех рабочих организаций, которые своими руками добывали им «свободы». Мелкая буржуазия предпочла «Марсельезе», которую она недавно напевала, другие песни. Развернулась работа черносотенных организаций, усердно поддерживаемых всякого рода начальством, которое, узнав о «новом курсе», вдруг вспомнило о «присяге».

По ту сторону баррикады оставались только рабочие и примкнувшие к ним воинские части, но и среди них чувствовалась усталость и неуверенность в собственных силах.

Революционное движение в Центральной России было подавлено, ожидать поддержки было неоткуда.

В первых числах января 1906 года, после шестидневной осады, сдаются рабочие и солдаты, засевшие в красноярских железнодорожных мастерских.

18-го января в Чите на заседании высших чинов области указывается, что «в Чите за последнее время митинги совершенно не имеют места, и город «успокоился».

Красноярск и Чита были теми городами, в которых революционное движение в 1905 году достигло наивысшего развития, эти же города были последними цитаделями революции. В остальных городах «законный» порядок восстановлен был еще ранее «местными средствами», с помощью «верных» войсковых частей.

Тюрьмы были заполнены арестованными, усердно заработали жандармские и следственные органы, были ликвидированы профессиональные союзы, комитеты и другие «незаконные сообщества». Тысячи рабочих и служащих на железной дороге, почте и телеграфе были лишены своей службы и работы.

Социал-демократические организации, почти во всей Сибири стоявшие во главе движения, вновь ушли в подполье. Среди рабочих масс чувствовалась растерянность. Усмирять было уже нечего. Но надо было показать и «разъяснить» истинное значение «свобод» манифеста 17-го октября. Надо было показать и доказать силу самодержавия, дабы «впредь не повадно было» заниматься революциями.

Эти задачи отлично разрешили царские генералы расстрелами, избиениями, порками и стяжали себе «громкую известность» в официальных реляциях, как «усмирители».

### III. «Подвиги» генералов.

В ночь на 1-ое января Меллер-Закомельский выезжает из Москвы с отрядом, состоящим из 1 генерала, 13 офицеров и 184 «нижних чинов» при 2-х орудиях и 2-х пулеметах... Оказывается, что «завоевать» Сибирь можно было двумя ротами. Этот отряд в Сибири был увеличен на 200 человек отрядом подполковника Алексева, уже успевшего «навести порядок»

до приезда генерала с неограниченными полномочиями, и в Верхнеудинске еще на 300 человек специально «для взятия Читы».

Как сообщал Меллер-Закомельский в своем обширном рапорте царю, после возвращения из Сибири\*, «подвиги» его начались на следующий же день после выезда отряда из Москвы.

«1-го января на ст. Узловой был встречен нами первый поезд с запасными, шумевшими и безобразничавшими... Пришлось пустить в ход приклады и штыки.

На ст. Пенза один отставленный от эшелона запасный ослушался и ударил часового, схватив его за ружье, за что и был пристрелен...

Нижние чины, ехавшие в пассажирских поездах, нередко занимали места в первом и втором классах... таких пересаживали на места, а упорствующих водворяли прикладами, а потом нагайками, ввиду того, что действие прикладом выходило слишком энергичным...

Такие способы «водворения порядка» храбрый генерал считает не только нормальными, но его генеральский ум не может перевернуть даже каких-либо сомнений в нормальности этих способов.

«Не могу умолчать, что начальник эшелона № 232 капитан второго ранга Скороходов, после того, как чины вверенного мне отряда приняли необходимые меры для водворения порядка среди нижних чинов упомянутого эшелона на ст. Боготол, позволил себе совершенно ложно обвинить моих офицеров и нижних чинов в истязании матросов»...

Стрелял, порол, бил прикладами, и вдруг генерала «совершенно ложно» обвиняют в каких-то неведомых ему истязаниях.

О том, что главными виновниками всех «беспорядков» в Сибири были «агитаторы» и «поляки», сомнений быть, конечно, не могло. Генералу об этом известно доподлинно. Слушайте.

«Почти в каждом поезде запасных ехали агитаторы революционеры, раздававшие нижним чинам деньги (деньги «японские». Прим. А. А.) и спаивавшие их»...

«Стремясь привлечь на свою сторону войска или только иметь возможность убедить общество в соучастии армии революционному движению, вожаки последнего не останавливались ни перед чем: так, например, в городе Иркутске солдатские шинели скупались жидами по 15-25 руб. за штуку, в них одевали разных лиц и устраивали из переодетых антиправительственные демонстрации, митинги и тому подобное, и после этого по всей России рассылали телеграммы о том, что войска перешли на сторону революции»...

Оказывается, что «переодетые чекисты», которыми так любят козырять наши белогвардейцы, описывая массовые выступления рабочих на улицах городов Советской России, вовсе не новы. «Переодетых жидов» открыл еще Меллер-Закомельский в 1906 году.

Храбромую вояке нужно во что бы то ни стало доказать, что «нижние чины» все «верноподданнее», что ни о каких революциях они и не мечтали. Если бы не «агитаторы», «жиды» и пр. инородцы, а также и японские происки, — не было бы и никаких «беспорядков». Правда, в своем докладе генерал часто срывается, приводит ряд случаев неповиновения этих самых «нижних чинов», мельком упоминает даже об участии в Красноярском восстании целого второго железнодорожного батальона (уже не «переодетые»), но на сцену опять выплывает спасительный «агитатор». и дело становится для генерала совершенно ясным.

«Пленные моряки, порт-артурцы, все время в Японии усиленно развращались прокламациями революционных комитетов и жидами-врачами... Японцы, отделив пленных нижних чинов от офицеров, никого из этих последних не допускали к ним, врачам же жидам разрешалось беспрепятственное общегитание с нижними чинами. Их

старались убедить, что в России правительства и власти нет, а всем орудуют революционные комитеты»...

«Мне пришлось (?) в Челябинске арестовать двух врачей-жидов Франка и Клейна... Эти врачи всю дорогу подбивали нижних чинов против офицеров»...

Что делают с «агитатором?» об этом также «всеподданнейше» докладываются.

«Агитаторы в своей дерзости дошли до того, что на ст. Омск один из них стал раздавать прокламации нижним чинам вверенного мне отряда, за что и был сильно избит ими.

Другой около ст. Иланской вскочил на ходу в мой поезд, начал пропаганду среди нижних чинов, но был выброшен на ходу и вряд ли когда нибудь возобновит свою преступную деятельность»...

Да такие агитатора... на ст. Мысовой... вполне уличенные в их преступной деятельности по найденным у них прокламациям и собственному признанию, были расстрелены»...

Суд, как видите, «скорый и милостивый», без всяких правовых вывертов, которые были так близки правоверному сердцу «либералов».

И так ясно: войска рвутся в бой за «царя-батюшку», правда, изредка они пошалаивают, но тут виноват «агитатор», и стоит немного поработать нагайкой и прикладом, как полный порядок среди воинских эшелонов восстановится.

Так обстоит дело с военными, их генерал знает достаточно хорошо, ему и книги в руки.

Но карательная экспедиция ехала не только водворять порядок среди эшелонов. Это второстепенная и сравнительно легкая задача заслонялась другой, неизмеримо более крупной. Надо было усмирять рабочий класс. Эта «работа» несколько тяжелее.

«Вред, причиненный правильности движения на Сибирской и Забайкальской железных дорогах беспорядками запасных и пленных, является ничтожным сравнительно с тем злом, которое в этом отношении причинила деятельность разных революционных комитетов, образовавшихся на этих дорогах. Масса служащих на этих дорогах жидов, поляков и административных ссыльных образовали всевозможные революционные комитеты. Увлеченные примером старших, примкнули к ним мастерские депо и телеграфисты. Верные своему долгу остались, за редким исключением, кондуктора и низшие служащие»...

Генерал решает легко. Опять найден виновник и, увлеченные примером старших (?), как мухи на мед, лезут «мастерские» и «телеграфисты».

Такое «прекрасное» объяснение массового революционного движения 1905 года не требует никаких комментариев.

Демонстрации, митинги с участием десятков тысяч рабочих (их генерал не видел, но слышал о том, что все это «перодеетые жида»), комитеты, советы, профессиональные союзы, вооруженные рабочие—все это пустяки, этим генерала не проведешь.

В своем докладе Меллер-Закомельский упорно замалчивает о том, что еще до его приезда, от Томска до Иркутска проехали карательные экспедиции подесаула Алексева и начальника железной дороги Ивановского. Эти экспедиции производили массовые аресты, увольнения, заполняли все тюрьмы и каталажки, но эти экспедиции были «местные» и не обладали тем широким размахом, который был свойственен генералам-гастролерам.

Карательный отряд Меллер-Закомельского ехал достаточно быстро, и 12-го января он был уже на ст. Иланской (в Енисейской губ., между городами Канском и Нижнеудинском). О каких-либо крупных «подвигах» отряда за проезд до ст. Иланской мы не знаем; об этом нет никаких

Даже проезд мимо Красноярска не оставил никаких воспоминаний у рабочих. Правда, там царил уже «законный порядок», но о «Красноярской республике» генерал был достаточно хорошо осведомлен и в своем докладе он указывает:

«Я совершенно разделяю мнение ген. Сухотина, сожалевшего о том, что Красноярск сдался без боя. Если ген. Сухотин и не расправился сурово с мятежниками, то это объясняется отсутствием у него в то время достаточной вооруженной силы».

Но никто же не мог помешать ему наверстать потерянное. Около тысячи «мятежников» сидело в тюрьме, кругом станции был расположен рабочий поселок, но... пути генеральские неисповедимы и... отряд несется дальше, к ст. Иланской.

#### IV. Иланская бойня.

На «подвигах» Меллер-Закомельского на ст. Иланской необходимо остановиться подробнее, так как нигде разнузданность и жестокость его по отношению к рабочим не проявилась так сильно, как там.

В Иланской уже не искали «агитатора», здесь объектом генерала были рабочие в целом.

Если Меллер-Закомельского некоторые даже крупные станции в Сибири не знают или знают понаслышке, то иланские рабочие помнят о нем до сих пор. Ряд могил ежедневно напоминает иланским рабочим о «порядке» при самодержавии.

Иланская—деповская станция. Небольшой поселок вокруг нее населен исключительно рабочими и служащими. Здесь революцию делал сам рабочий.

«Уже 8-го января через Иланскую проехал начальник жел. дороги. Он «подробно осматривал депо» и «лично» наблюдал за передачей паровозов, арестовал 15 мастеровых и машинистов и 3-х телеграфистов. Казалось бы, и делать больше было нечего, тем более, что «никаких вооруженных восстаний» на ст. Иланской не было, но, фактически, жел. дор. движение находилось в руках выборных рабочих органов, как и по всей Сибирской железной дороге. Но предоставим слово Меллер-Закомельскому:

«Насколько революционеры чувствовали себя безнаказанными, до какой степени рабочие рассчитывали на бездеятельность начальства, видно из того, что, несмотря на присутствие военной охраны, они взяли экстренный поезд на ст. Иланской и отправились в числе 300 человек в Канск требовать освобождения арестованных. К сожалению, командир Томского полка полк. Борисов не только не задержал их в Канске, а защитил их от местного населения, собиравшегося их бить, и уговорил их вернуться. Мне доложили, что рабочие собирались в депо на сходку. На станции стоял эшелон Терско-Кубанского (?) полка и с частью этого отряда и ротой охраны станции Иланской послал оцепить депо, где была сходка. Когда нижние чины вошли в депо, по ним открыли огонь. Им ответили на огонь тем же, и в один миг всех разогнали, при чем, как оказалось впоследствии, из числа застигнутых в депо было убито 19, ранено 70 и арестованных 70».

Такова официальная реляция полковника о той бойне, которую он устроил среди рабочих 12-го января (по старому стилю) 1906 г.

Читая ее, чувствуешь, какими белыми нитками она шита. Добрый полковник, мешающий верноподданым избить «бунтовщиков!» На станцию подходят эшелоны, а рабочие сидят в депо и в нем защищаются уже после того, как в него беспрепятственно вошли солдаты и т. д. и т. д.

Несколько иначе говорят об этой бойне другие документы и свидетельские показания, которым мы доверяем больше, чем Меллер-Закомель-

В запросе, сделанном в 1-й Государственной Думе членом ее от Енисейской губ. Николаевским\*), в прокламации того времени\*\*) и по воспоминаниям очевидцев, рассказанным мне, «усмирение» рисуется так:

12-го января, утром, состоялось общее собрание рабочих и служащих станции Иланской. Было ли оно созвано со специальной целью высказаться по поводу бывших арестов, или нет, неизвестно, но на этом собрании было принято постановление о поездке в Канск с просьбой об освобождении арестованных. Рабочие забыли о 9-м января, и просительные настроения снова восторжествовали. Действительно, в Канск (30 верст) поехало до 400 рабочих, но никто из них вооружен не был. Не надо забывать, что это было 12-го января, когда «законный» порядок уже был восстановлен, проехали карательные экспедиции, на ст. Иланской стояла охрана. Добившись приема у начальника гарнизона, рабочие узнали, что вопрос об освобождении зависит «от начальника, который скоро прибудет» (о Меллер-Закомельском уже знали). Трудно вообразить, чтобы в маленьком мещанском городишке были настолько храбрые черносотенцы, чтобы иметь смелость побить 400 человек рабочих, хотя бы безоружных. Поэтому «защита» их начальником гарнизона может быть отнесена исключительно к фантазии карателя. О результатах поездки в Канск было доложено на общем собрании, созванном вечером, и на нем было решено ждать приезда «начальника». Были выбраны делегаты для переговоров с ним по поводу освобождения арестованных.

В 10 часов вечера к станции подошел поезд с карательным отрядом. На платформе толпилось много народу.

Послышалась команда: «разогнать эту сволочь». В ход пошли приклады и нагайки.

Избранные делегаты пытались поговорить с генералом, но он их не принял и приказал расстрелять.

В депо ожидали результатов переговоров человек 700-800, среди них много женщин и детей. Узнав о том, что к депо идут солдаты, часть их поспешила уйти, и в депо, в момент его окружения, оставалось чел. 400.

Солдаты, ворвавшись в помещение, открыли стрельбу. Началась паника, послышался крик женщин и плач детей. Кто старался спрятаться, кто бросился к выходам. Выбегающих убивали или избивали. Кто-то догадался потушить электрическое освещение и выпустить пар. Это на некоторое время внесло замешательство в ряды нападающих и дало возможность скрыться нескольким «счастливым». Но затем были принесены фонари и избиение продолжалось. Не щадили никого; очевидцы рассказывают, как на их глазах офицеры из наганов стреляли в детей.

У генерала «потерь не было», и это служит лучшим доказательством того, что никакой стрельбы и даже сопротивления избиваемые не оказывали.

В результате усмирения, или, выражаясь языком Меллер-Закомельского, «как оказалось впоследствии»,—было убито не 19, а не менее 50 человек. Сколько было раненых и избитых, в данный момент установить точно не представляется возможным. Раны и следы избиения приходилось тщательно скрывать, чтобы вновь не попасть в руки карателей в качестве «бунтовщика». Во всяком случае Меллер-Закомельский не преувели-

\*) См. газету «Сибирские Вести» № 10, от 12 июля 1906 года. Газета не социалистическая.

\*\*) «Иланская бойня» — прокламация Красноярского к-та ПСР от 19 января 1906 года.

чивает, указывая цифру раненых. В следующие дни трупы находили не только в депо, но и вокруг поселка\*).

12-ое января (25-е по старому стилю) 1906 года должно занять в истории революционного движения в Сибири подобающее место. Этот день сейчас забыт. Необходимо восстановить в памяти фамилии погибших рабочих, испытавших на себе последствия всякого рода «просьб» к слугам самодержавия.

#### У. С Запада и Востока на Читу!

На каждой значительной станции, от Иланской до Иркутска (Нижеудинск, Зима, Иннокентьевская), шли порки, расстрелы и избиения. В Нижнеудинске было окружено здание железнодорожного клуба, и бывшие в нем рабочие расстреливались сквозь тонкие барачные стены.

В Иркутске «законный порядок» был уже восстановлен.

Все стремления генерала были направлены к Забайкалью на так называемую «Даурскую республику». Там начинал действовать другой генерал, и его лавры не давали спать Меллер-Закомельскому.

«Мое появление на Забайкальской железной дороге сразу же подняло престиж власти и подорвало значение стачечного комитета»,— с гордостью сообщает Меллер-Закомельский. Да и как этому «престижу» было не подняться, если,

«...подвигаясь по Забайкальской железной дороге к Чите, я по пути производил аресты виновных в сопротивлении властям. Главные виновники — телеграфисты и чины (члены?) стачечного комитета, взятые с оружием в руках, после точного выяснения их виновности и собственного их признания, были мною расстреляны — на ст. Мысцовый — 5 человек и на ст. Мозгон — 7 человек.

Другие телеграфисты, менее виновные и несовершеннолетние, были наказаны плетями. Такой образ действия дал должные результаты... Рабочие начали сами сдавать оружие... Телеграфисты прекратили передачу всяких стачечных депеш, железнодорожный элемент служащих приобрился и введенный раньше 8-ми часовой рабочий день заменился десятичасовым».

Все выражения об оружии в руках и о сдаче оружия генерал подпускает для красного словца. Оружие у рабочих было, оно служило для охраны грузов, станции, а иногда и для самозащиты, но никто на карательный отряд не нападал, никаких боев у него с «мятежниками» не было, ибо, еще раз повторяем, «мятеж» ко времени приезда карателей уже закончился. Но неудобно, конечно, писать о подавлении несуществующего уже «мятежа», и на сцену выступает оружие, которое склоняется во всех падежах.

Одним словом, после проезда Меллер-Закомельского, на Забайкальской жел. дороге наступило «райское житие», и 8-ми часовой день (заменивается) (как заменяется, об этом не говорят) десятичасовым, при общем ликовании (!) всех железнодорожников.

Говоря о таком «райском житии», генерал не может не подпустить шпильки по адресу своего коллеги по усмирению, шедшего с востока:

«Такой реакции (т. е. возвращения к «законному положению» — (прим. А. А.) не было замечено... на участках от Маньчжурии до Читы»...

\*) В своем дневнике Куропаткин пишет: «Рассказы про Меллер-Закомельского просто невероятны. Сычевский мне рассказывал, что Меллер-Закомельский засекал шомполами чуть не на-смерть. Одновременно били 4 солдата шомполами, и это считалось за один удар. По словам Сычевского, буквально срывали мягкие части тела. Но главное зверство произведено на ст. Иланской. Там манифестантов с красными флагами, 400 человек почти, окружили солдаты и начали расстреливать. Только 60 человек оказались ранеными. Остальные были убиты». («Красн. Архив» № 8 за 1925 год). Тут в отношении ст. Иланской явное преувеличение.

Правда, Меллер-Закомельский там не был, и он не знал о кровавых расправах Ренненкампа на «участках от Манчжурии до Читы», несколько не уступающих, а иногда и превосходящих расправу на ст. Иланской, однако, «смазать» сбивающего лавры генерала было необходимо.

На станции Слюдянка Меллер-Закомельский арестовал т. Бабушкина, ехавшего с 5-ю товарищами в Иркутск для восстановления организации. Тов. И. В. Бабушкин, этот, по словам тов. Ленина, «крупный партийный работник, гордость партии»\*), только в конце 1905 года вывезен из далекого Верхоянска, где он находился в ссылке. Из Иркутска он был направлен Сибирским с.-д. союзом для работы в Читу. Вместе с т. А. А. Костюшко-Валужаничем он был одним из активнейших работников Читинской с.-д. организации. Без всякого суда т. Бабушкин вместе с товарищами был немедленно расстрелян на краю вырытой на скорую руку ямы. Бабушкин не назвал своей фамилии и умер «неизвестным». Только в 1910 г. стало известно о его смерти.

В Верхнеудинске, по словам доклада, было произведено только несколько арестов (так ли это?), но зато отряд увеличивается на 300 человек.

Чита!.. Вот где можно будет показать себя, вот где Меллер-Закомельский рассчитывает дать генеральный бой и... кстати, опередить в «усмирении» Ренненкампа.

В Чите, по точным сведениям Меллер-Закомельского, существует какое-то «временное правительство», там «жители захватили 13 вагонов с 3-х линейными винтовками, массу патронов и берданок», у Ренненкампа сил недостаточно, нужно «ему помочь» и «перехватить беглецов из Читы» с запада.

Войска Меллер-Закомельского, конечно, «рвутся в бой».

«Не доезжая 3-х верст, я приказал отряду высадиться, построиться в боевой порядок, поставить орудия на позиции, а подесаула Алексеева с его отрядом послал осмотреть мастерские, в которых, по слухам, революционеры заперлись и собирались оказать вооруженное сопротивление».

Но увы! Слухи оказались «несколько преувеличенными». Сражаться было не с кем.

И генерал меланхолически продолжает:

«Оказалось, что читинцы сложили бывшее у них оружие и боевые припасы около 30.000 винтовок, ручные гранаты, динамит, пироксилин и патроны. Произошло это оттого, что назначенные ген. Ренненкампом вр. геф.-губернатор генерал Полковников и вр. губернатор ген. Сычевский вступили в переговоры с революционерами и убедили их сдать».

Эта была крупная ошибка... Я нахожу, что для дела необходимо было разгромить Читу, а не вступать со всякими союзами и комитетами в дипломатические переговоры. Разгром Читы послужил бы прекрасным уроком всем этим революционным обществам и надолго отнял бы у них охоту устраивать революции. Бескровное же покорение взбунтовавшихся городов не производит никакого впечатления».

Можно себе представить разочарование «храброго» генерала, который уже совершенно приготовился к бою.

Никаких «переговоров» с революционерами генералы не вели, ибо эти революционеры с ними вовсе не разговаривали, и тем более они не могли «убедить» их сдать. Уже 18-го января (Меллер-Закомельский «завоевал» Читу 22 января) все положенные по штату власти были в

\*) В собр. соч. Н. Ленина, т. XI, ч. 2, помещен некролог Бабушкина. Имеется интересная книга «Воспоминания И. В. Бабушкина». Изд. «Прибой», 1925 г.

Чите и исполняли свои функции, рабочие сами еще 19-го января поставили никакого вооруженного сопротивления не оказывать. Никаких «временных правительств» в Чите не было, и старое начальство во главе с губернатором все время продолжало пребывать в городе в полуатрофированном состоянии.

«30.000 винтовок» и прочее оружие спокойно лежали в вагонах на железнодорожных путях, и никто эти оружия «не слагал»\*).

22-го января летит телеграмма царю:

«Чита сдалась без боя. Еду обратно. Генерал Меллер-Закомельский».

Хотя и без боя, но все же «сдалась», недаром же орудия были поставлены на позиции против того города, где уже несколько дней жили и «действовали» всякие губернаторы и генерал-губернаторы, и... в котором с 21-го января находился Ренненкампа.

Ренненкампа двигался не так быстро, как его соперник. 9-го января он прибывает из Харбина на ст. Манчжурию и, конечно, жестоко расправляется с жел.-дорож. рабочими, вздумавшими отметить годовщину «Кровавого воскресенья» демонстрацией. Здесь, среди других работников, он арестовывает и по приговору военно-полевого суда расстреливает т. А. И. Попова (Коновалова), — руководителя социал-дем. организации, одного из активнейших сибирских работников. На суде Попов отказался давать показания.

Что делал Ренненкампа на остальных станциях до Читы, можно и не рассказывать.

Оба карателя поладить, естественно, не могли, и Меллер-Закомельский быстрым аллюром помчался в Петербург, чтобы иметь возможность раньше другого «представить свой отряд» его величеству.

На Забайкальской жел. дороге и в Чите остался искоренять крамольный дух Ренненкампа. «Дело» оказалось достаточно сложным и потребовало 4-х месяцев «упорной работы».

Способы «усмирения» генералов мало чем отличались один от другого, поэтому, чтобы не повторяться, мы приведем только несколько примеров ренненкамповой юстиции.

В кадетском журнале «Право»\*\*) приведена выдержка из письма Окунцова, осужденного вместе с врачом Шинкманом и крестьянином Мирским к смертной казни:

«Пишу из арестантского вагона при поезде ген. Ренненкампа... В Верхнеудинске за неделю арестовали 60 человек и посадили в тюрьму. 25-го февраля суд (строевые офицеры) вынес нам смертный приговор через повешение. И это, несмотря на то, что из 36 свидетелей 30 показывали в наше оправдание... Нас обвиняли в издании «Верхнеудинского Листка», в каком-то вооруженном восстании (о нем в Верхнеудинске никто не слышал). Положа руку на сердце, заявляю, что все жертвы ген. Ренненкампа и его суда казнены без законного следствия и суда»...

Это пишет интеллигент (Окунцов — инспектор народных училищ) — в его черзурной небольшой революционности мы не сомневаемся.

В «Былом» (№ 5-6, 1917 г.) мы можем прочесть обвинительные акты по целому ряду «процессов» и описание казней Костюшко-Валужанича, Столярова, Вайнштейна, Гольдсоболя, Шульца, Медведникова, Гордеева и многих, многих других.

Из казненных наиболее крупной фигурой был т. А. А. Костюшко-Валужанич, соц.-дем. Он в 1904 году принимал участие в «Якутской истории» («романовской»), был осужден за нее на каторгу и в 1905 г.

\*) См. «Былое» за 1917 г., № 5-6.

\*\*) «Право» за 1905 г., № 13.

бежал из Иркутской тюрьмы. В Чите он работал под именем Григоровича в мастерских жел. дороги. В революционные дни 1905 г. в Чите он был главным деятелем движения среди солдат и казаков.

Ренненкампу и его судьям не удалось установить ни истинной роли, ни значения этого выдающегося революционера, и он фигурировал на суде, как член какой-то «революционной партии» (какой—в этом судьи разбираться не умели) под именем Григоровича.

Он, вместе с Цуксманом, Столяровым и Вайнштейном, был приговорен к повешению, которое «милостиво» было заменено расстрелом.

3-го марта 1906 г. (по ст. ст.) состоялась казнь Привязанный к столбу, Костюшко перед залпом успел обратиться к солдатам с несколькими словами, указав, что «дети скажут вам, что я умер за вас».

По своей циничности Ренненкамф превзошел даже других карателей и устраивал публичные казни через повешение. Сам генерал и его свита стояли у окон и в бинокли любовались на кровавые «обряды».

Только в апреле месяце миссия Ренненкамфа была признана оконченной. Издав прощальный приказ, в котором он льстил себя надеждой, что заслужил благодарность населения, Ренненкамф уехал в Иркутск. В империалистической войне 1914-1917 г.г. фигура этого «храброго» генерала, так удачно «усмирившего» рабочих в Забайкалье, снова выдвигается на вид. О его грабежах в Восточной Пруссии, о целых караванах драгоценностей, которые он вывозил «для себя», говорила вся армия.

#### VI. Задуть не удалось.

«Благодаря военному положению, революционное движение удалось временно подавить, но нельзя считать его окончившимся. Есть данные предполагать, что, снятием военного положения, мятежники примутся снова за свою работу. Такие города, как Иркутск и Чита, и такие центры ж.-д. линии, как Каинск (?), Канск (?), Иннокентьевская, Обь, Зима, Тайга, требуют серьезного и постоянного наблюдения и решительных мер со стороны администрации»...

Так заканчивает свой доклад Меллер-Закомельский. И он не на много ошибся.

Несмотря на неистовства генералов, пытавшихся расстрелами и избиениями искоренить крамольный дух среди железнодорожного пролетариата Сибири, и во время военного положения не остановилась деятельная работа соц.-демократической организации.

Тов. Баранский (стр. 44-46 указанной книги) рассказывает о том, как, во время пребывания Ренненкамфа в Чите, соц.-дем. организация выпускала свою газету.

В официальном отчете мы читаем о Красноярске:

«Местная соц.-дем. организация за время мятежнических дней в г. Красноярске настолько окрепла, что, несмотря на аресты, произведенные в январе 1906 г., и на то, что 15-го марта было вновь заключено под стражу 5 видных членов партии и взята хорошо оборудованная типография, издание прокламаций и тайная деятельность оц.-демократов продолжалась\*».

Осознанной необходимости классовой борьбы нельзя было уничтожить карательными экспедициями.

Но нужно было еще 11 лет тяжелой, упорной работы с неизбежными неудачами и провалами, с неизбежными шатаниями мысли у рабочих, чтобы вплотную подойти к диктатуре пролетариата.

**А. Ансон (А. Абов).**

\*) Из книги «Обзор революционного движения в округе Иркутской судебной палаты за 1897-1907 г.г.». Сенатская типография. СПб. 1908 г. Изд. секретное.

**Красноярск.**